

3. ПОКА ЕЩЕ НЕ ВОСПОМИНАНИЕ

НАШИ войска шли к Варшаве. Николай Белоусов пробывался к ним навстречу. Позади километры пути, ночные переходы, новая встреча с Юзефом Хаецким, помощь поляков... Позади поле ржи, когда переживал опасные часы дня.

Наступило долгожданное утро.

Странная тишина царила тогда вокруг. Потом все явственнее стал доноситься из леса шум огромной надвигающейся массы. Сердце подсказывало: «Наши!». Да, наши. И Николай увидел: стоят по ту сторону моста ребята-разведчики. А он что-то орет и бежит к ним, к родным, к русским. Они машут и тоже что-то кричат. Он не слышит, бежит, вернее, летит, как на крыльях.

Перемахнул мост, обнял своих, да так и не хотел разлучаться. Ребята кормят его, а он вместо хлеба автомат простит. Потом уже спросил: «А что вы кричали и почему махали?» Оказывается, кричали они: «Назад! Мост заминирован!» А мост и не заминирован, это Коля, значит, лично проверил, когда бежал к своим.

С момента, когда он увидел наших солдат, все возманилось на крути своя. Слово после мучительного, тяжкого сна проснувшись в наполненной солнцем комнате. С сентября 1944 года Николай Белоусов снова вонц Советской Армии.

И начал он жить, как жили все мужчины: взял в руки привычное оружие и стал воевать, мечтать о победе, говорить с друзьями о том, что сделает каждый в первые же мирные дни. А все говорили о доме, о родных. И была эта тема неискьяемой, щемящей душу и рвущей сердце. Потому что многие потеряли за долгие годы войны отцов, матерей, детей... И они продолжали драться, веруя, надеясь, приближая победу.

В Варшаву на этот раз Белоусов пришел как освободитель, а не гонимый. Участвовал в боях за взятие Шнейде-мюля, Штеттина, Берлина. Заключил войну на Эльбе, уволен в запас в 1946 году.

Родных он нашел не сразу. Наконец, разыскал сестру, которая жила в Киеве, и совсем было поселился у нее. Но вдруг получил из Астрахани весточку о брате Александре, которого уже оплакали. А тот был жив, лежал в госпитале в тяжелейшем состоянии.

Поехал Николай в Астрахань, если можно так назвать беспорядочное передвижение то на крышах вагонов, то на подвинувшихся, уцелевших от войны волжских пароходиках...

И вот—встреча. В Саше жили только глаза. Немой и глухой после контузии, потерявший возможность ходить, он, по словам врачей, был безнадееж. И знаете, что поставило его на ноги? Рассказы Николая о детстве. О их детстве. Николай все время говорил,

говорил, говорил... О Волге, о лесе, о тех случаях, которые взрослые квалифицировали как озорство, называя ребят сорванцами. В Николае засело какое-то злое упрямство: Саша должен подняться! Интуиция ему подсказывала, что главное—пробудить в больном желание жить.

Саша поправился, а брату казалось, что они вместе выдержали напряженный, смертный бой за жизнь, за право Саши шагать по земле и что Николая теперь только уволили в запас.

Так и остался он в Астрахани. Наступила пора подумать о себе. О театре мечтал всегда—в детстве, в школе, в армии, в плену, на фронте. Изменить своей мечте не хотел и не мог.

Директор театра ясно дал понять, что в двадцать восемь поздно учиться и что он может рассчитывать на «шум за сценой» и играть лишь «толпу». А когда Николая посмотрел режиссер Константин Александрович Ведерников, Белоусов был принят в театр настоящим, всамделишным актером. «Актер третьей категории»—эти слова звучали музыкально.

Он никогда не забудет уроки мастерства, которые преподавала ему опытный, умный режиссер Лина Семеновна Самборская. Она как бы не замечала на первых порах ни его желания играть «героя», ни артистичной внешности. И он играл характерные короткие роли, вкладывая в них весь жар души и знания, которыми делился с ним режиссер и старые актеры.

...ЗАБЫВ, ЧТО СМЕРТЕН

В памяти осталась роль Григория, человека Турусинной из спектакля по пьесе А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Белоусов играл старого, парализованного лакея, который лишь докладывал барыне о посетителях. Лакей—это интереснейший сценический тип. «Челазек» Белоусова был себе на уме, фамильярно подбострастен и полон презрения одновременно к хозяйке, и ее гостям. Товарищи говорили тогда, что «спина у него играет», а актер сам чувствовал согнутой временем и лакейством спиной, что зрители следят за ним, и Григорий для них не просто эпизод, а необходимая органическая составная спектакля.

Так приходило известное, но новое для каждого молодого актера сознание важности любой роли, даже если она ограничивается несколькими фразами. И до сих пор Николай Степанович Белоусов уверен, что хорошо сыгранная, такая роль приносит не меньшее удовольствие, чем крупная работа.

Потом были другие роли, большие и маленькие. Встречался с образами, которые создавал в школьном драмкружке и армейской самодеятельности. Но встречался уже в качестве профессионального актера и зрелого человека. И так получалось, что знакомые роли вдруг становились не сов-

сем знакомыми, образы его героев—более глубокими, характеры—более сложными. И приходилось заново разбираться. С точки зрения тех социальных нравственных категорий, о которых знал с детства, но ощущал лишь кончиками нервов, доверяясь авторитету старших, учивших гражданственности, честности, доброте, достоинству. Истинный смысл этих вечных ценностей он познал на фронте и в неволе, вдали от Родины. И нужно было наново, сквозь призму опыта, оценивать и классику, и современность. И жизнь.

В Орле, где Николай Степанович работал, были сыграны Иванов в «Иванове» Чехова и пиллеровский Дон Карлос, Петр в «Мещанах» Горького и Леонт в шекспировской «Зимней сказке», Сергей Серегин в «Иркутской истории» Арбузова и Андрей Белугин в «Женитьбе Белугина» Островского и Соловьева, матрос Рыбаков в «Кремлевских курантах», Дятлов в «Третьей патетической» Погодина и Нежданов в «Нови» (по Тургеневу), капитан Громов в пьесе Сергея Смирнова «Люди, которых я видел» и Аркадий в «Крепостных актерах» (по Лескову), Давыдов в «Поднятой целине» Шолохова и Василий Теркин в инсценировке поэмы Александра Твардовского... Более шестидесяти ролей сыграл он на сцене театра имени И. С. Тур-

генева. Каждая и сейчас чем-то ранит или лечит душу, считает он ее удачей или нет.

С особой достоверностью, теплотой и волнением, используя собственные наблюдения, играет всегда вонков, своих современников. Очень дорог актеру комбат Громов—человек обостренной совести, патриот, отважный и стойкий человек. Прототип его—комбат из Брестской крепости, но лучшие черты капитана Громова присутствуют были многим солдатам и офицерам, с которыми солдата Белоусова сводила военная судьба.

Незабываем Василий Теркин, чрезвычайно ответственный, значительная роль. И не только потому, что приходилось иметь дело с поэтическим материалом высочайшей пробы, но и потому, что Теркин Твардовского завоевал общенародное признание и любовь. Ведь он не просто весельчак и эталон «свойский парень», он прежде всего патриот и солдат, делающий свое многотрудное ратное дело.

Белоусов любит играть Гуденкова в «Конармии» (по Бабелю), образ которого был создан уже на сцене Тульского театра им. А. М. Горького.

Большое место в его работе сейчас занимает концертная деятельность. Он имеет несколько концертных программ. «Страницы великой жизни» — из произведений о В. И. Лени-

не, «Геронические годы», «Поэзия и проза разных лет» и другие. Сейчас с большим воодушевлением готовит композицию к 50-летию Советского государства. В ней будут представлены лучшие поэты и писатели всех союзных республик. Богатейший, благодатный материал!

Актеры часто спрашивают: «Ваша любимая роль и почему вы ею дорожите?» У него никогда не вызывал размышлений этот вопрос. Потому что любимая роль Белоусова — Макар Нагульнов в инсценировке «Поднятой целины» Шолохова.

Ему приходилось играть и Давыдова. В образе революционного моряка, питерского рабочего, председателя колхоза, актера привлекает сознание личной ответственности Давыдова за новую жизнь, которую он завоевывал, а теперь строит; импонирует нежность и незащищенность его души от неожиданных жизненных, трагических ситуаций; подкупает внутренняя деликатность этого грубоватого с виду человека. Давыдов может чуть схитрить—на пользу делу.

Макар же покоряет своей предельной искренностью. Недаром к нему тянется неприкаянный, маятный Шукар. С другими дед иногда лукавит, с Макарушкой же может слушать петухов, учить англий-

ский, может взять у него хлеба с салом и не считать это за услугу. Словом, ему замечательно хорошо с Макаром, можно отбросить все балагурство, быть самим собой, и Макар не посмеется, не сочтет это странным. Николай Степанович говорит, что образ Нагульнова еще не до конца раскрыт нашей критикой. Нагульнов — не только бескомпромиссный человек с «левацкими» заплатами. Он—раппая душа, поэт, влюбленный в революцию и Родину. В нем ни на йоту нет корысти. И он не такой уж черноволосый, с ястребиным профилем казак, у него голова в прожилках седина от боли за людей. Как он сам бы никогда не смог принять смерть, закрыв глаза, так не может стрелять в спину Тимошке Рваному. Он изгоняет беспутную и любимую жену свою Лушку и станицы не во гневе, а в тоске и боли за заблудившуюся ее душу, не в силах разлюбить, не в силах и простить. В действиях он бескомпромиссен, а душу свою рвет на части. Он органически не может изменить революции и Родине, потому что они являются неотъемлемой его частью. Отними одно—и не будет жить Макар. Николай Белоусов знает таких людей. Он видел их на своей родине, в станице Степана Разина. Он жил среди них на волжских просторах. Слушал их песни, неторопливые, широ-

Его Тургенев

25 ИЮН 1972